

Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 2 (83). С. 28–40.
The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin. 2024; 2 (83):28–40.

Научная статья
УДК 94(470.314).084.8
DOI 10.37724/RSU.2024.83.2.003

Инфекционная заболеваемость населения в годы Великой Отечественной войны (на материалах Владимирской области)

Илья Сергеевич Тряхов

Владимирский государственный университет имени
А. Г. и Н. Г. Столетовых, Владимир, Россия
ilja.tryahoff@yandex.ru

Аннотация. Актуальность исследования заключается в изучении исторического опыта по борьбе с инфекциями в экстремальных условиях. В годы военного лихолетья радикально ухудшилась социально-экономическая обстановка не только на территориях СССР, попавших под временную оккупацию, но и в тылу. В данной работе для исследования проблемы борьбы с инфекциями автор обращается к региону, менявшему свое тыловое положение в течение войны. Цель статьи состоит в выявлении динамики инфекционных заболеваний на территории региона, а также способов борьбы с распространением инфекций в годы Великой Отечественной войны в границах современной Владимирской области. Для решения поставленной проблемы были привлечены источники государственных архивов Владимирской и Ивановской областей, использовались документы как партийных организаций, так и медицинских учреждений. Историко-геополитический подход, являвшийся основой исследования, предполагает, что здоровье нации есть основа национальной безопасности. В результате исследования можно констатировать ухудшение обстановки с инфекционными заболеваниями во Владимирском регионе уже к осени 1941 года с выходом на пик к весне 1942 года. Наиболее высокие показатели отмечались по сыпному и брюшному тифу, дизентерии, кори, скарлатине, которые в иных тыловых регионах фиксировались примерно в аналогичное время. Причины роста заболеваемости заключались в масштабных перемещениях населения, которые дополнялись слабым эпидемиологическим контролем со стороны местных властей и медицинских служб. Кроме того, трудными были жилищно-бытовые условия, а питание оставалось скудным и однообразным. В последующие годы войны ситуация несколько улучшилась. Государственные и местные власти предпринимали шаги, направленные на борьбу с распространением инфекционных заболеваний, благодаря чему эпидобстановку во Владимирской области удалось стабилизировать.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, инфекционная заболеваемость, медицинское обслуживание, санитарно-эпидемиологическая обстановка, смертность.

Для цитирования: Тряхов И. С. Инфекционная заболеваемость населения в годы Великой Отечественной войны (на материалах Владимирской области) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2024. № 2 (83). С. 28–40. DOI: 10.37724/RSU.2024.83.2.003.

Original article

Infectious morbidity of the population during the Great Patriotic War (based on materials from the Vladimir Region)

Ilya S. Tryakhov

Vladimir State University named for A. G. and N. G. Stoletovs,
Vladimir, Russia
Ilja.tryahoff@yandex.ru

© Тряхов И. С., 2024

Abstract. The relevance of the research lies in the study of historical experience in combating infections in extreme conditions. During the hard years of the war, the socio-economic situation radically deteriorated not only in the territories of the USSR that succumbed to temporary occupation, but also in the rearwards. In this work, so as to study the issue of combating infections, the author turns to the country's region that changed its rear position during the war. The purpose of the article is to identify the dynamics of infectious diseases in the region, as well as ways to combat the spread of infections during the Great Patriotic War within the borders of the modern Vladimir Region. To solve the problem, we pooled sources from the state archives of the Vladimir and Ivanovo regions, as well as documents from both party bodies and medical institutions. The historical-geopolitical approach, as the basis of the study, assumes that the health of the nation is the basis of national security. As a result of the study, it can be stated that the situation with infectious diseases in the Vladimir Region deteriorated in the fall of 1941 and reached its lowest by the spring of 1942. The highest rates were observed for typhus and typhoid fever, dysentery, measles, and scarlet fever, which were recorded in other rear regions of Russia at approximately the same time. The reasons for the increase in incidence were large-scale migrations, accompanied by low epidemic control by local authorities and medical services. In addition, living conditions were difficult, and food remained meager and monotonous. In the subsequent years of the war/ the situation somewhat improved. The state and local authorities took steps aimed at combating the spread of infectious diseases, thanks to which the epidemiological situation in the Vladimir Region was stabilized.

Keywords: Great Patriotic War, infectious morbidity, medical care, sanitary and epidemiological situation, mortality.

For citation: Tryakhov I. S. Infectious morbidity of the population during the Great Patriotic War (based on materials from the Vladimir Region). *The Bulletin of the Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2024; 2 (83):28–40. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2024.83.2.003.

Введение

Исторически главной причиной преждевременной смертности людей являлись инфекционные заболевания. Борьба с ними до изобретения вакцин человечеству было чрезвычайно трудно и даже невозможно (см.: [Мотревич, 2008, с. 40]). В условиях тотальной войны инфекции представляли двойную опасность для советских людей, так как ресурсы государства становились более ограниченными. Мобилизация врачей, среднего и младшего медицинского персонала в действующую армию, а также в госпитали для излечения раненых военнослужащих приводила к хроническому дефициту медиков, занятых работой с гражданским населением.

Масштабы боевых действий, количество погибших и раненых, перемещения колоссальной массы людей заставляли систематизировать эти последствия войны на здоровье населения. Увеличение количества инфекционных заболеваний вынуждало специалистов в области медицины искать способы борьбы с данным явлением в условиях военного времени. Поэтому закономерно, что и по сей день исследуемая нами проблема интересует не только ученых-историков, но и специалистов в области соответствующих отраслей медицины. Советская историческая наука, а также труды советских медиков в военные и послевоенные годы способствовали определенной систематизации способов борьбы с распространением заболеваний (см.: [Опыт советской медицины ... , 1950–1955]). Однако работы советской историографии ограничивались как идеологическими установками, принятыми в стране, так и недостатком исторических источников по причине массовой секретности оных. Всесторонне исследовать причины, динамику заболеваемости, а также способы борьбы с ней было непросто, а те работы, которые затрагивали эти аспекты, чаще всего оказывались недоступны широкому кругу читателей и были известны лишь небольшому количеству специалистов-медиков из специализированных сфер.

Советские военные медики в 1941–1945 годах активно собирали материалы по самым разнообразным медицинским проблемам, вызванным войной. Результатом их деятельности стало издание в послевоенные годы многотомника «Опыт советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.», который обобщал накопленный опыт (см.: [Опыт советской медицины ... , 1955, т. 32, с. 73–87]). Отдельные тома этого фундаментального исследования были посвящены эпидемической обстановке в военные годы, распространению и борьбе с инфекционными заболеваниями: сыпным и брюшным тифом, дизентерией, малярией, туляремией и др.

Уделялось внимание ситуации в действующей армии и регионам, побывавшим в оккупации. Некоторые главы затрагивали обстановку на территории фашистской Германии, ее союзников, но только в приложении к ситуации в армиях противников (см.: [Опыт советской медицины ... , 1955, т. 32, с. 135–143]). Рассматривались проблемы излечения раненых, а также борьбы с инфекциями в рядах военнослужащих. В то же время тыловые регионы обозревались поверхностно и отрывочно. При этом отмечалось, что области Центральной России к востоку от Москвы не входили в число неблагополучных (см.: [Там же, с. 140]). Советские историки писали о вкладе конкретных врачей (см.: [Кузьмин, 1970 ; Алексанян, 1985, 1987]) в обеспечение нормальных санитарно-медицинских условий (см.: [Кузьмин, 1979 ; Медицина в солдатской шинели, 1989]). Анализ озвученных проблем имел прикладной характер и осуществлялся, как правило, специалистами в области медицины.

Благодаря постепенному рассекречиванию архивов советской эпохи как на общероссийском, так и на региональном уровнях ученые получают возможность описать развитие, распространение и методы борьбы с инфекциями в военные годы. В перспективе исследования такого характера могут способствовать написанию обобщающих трудов по эпидемиологической ситуации на всей территории советского тыла. Это позволит в будущем показать просчеты и ошибки в данной сфере и достойно оценить вклад советских медработников и партийного аппарата в борьбу за здоровье соотечественников.

В последние десятилетия особое внимание отечественных историков привлекает анализ влияния эвакуированных на эпидемическую обстановку в отдельных регионах (см.: [Манышев, 2013 ; Копылов, 2015]). В этом вопросе сложился определенный консенсус, позволяющий констатировать, что масштабные перемещения людей способствовали росту эпидемической напряженности (см.: [Эмирханов, 2018 ; Твердюкова, 2020]). Необходимо отметить, что ситуация в тыловых регионах была неоднозначной и напрямую зависела от количества эвакуированных, грамотности их размещения и своевременности санитарной обработки, а также степени удаленности региона от линии фронта. В случае с отдельными заболеваниями большую роль играло наличие природных очагов ряда инфекций, например туляремии (см.: [Кнопов, Тарануха, 2015]). На данном этапе актуально исследование динамики заболеваемости (см.: [Семенов, 2016]), что может показать эффективность принимаемых властями мер по снижению угрозы распространения инфекций.

Внимание ученых занимает изучение санитарно-эпидемиологической обстановки в различных регионах (см.: [Куркатов, Филатова, Тевеленок, 2015 ; Исторический опыт медицины ... , 2011, с. 201–203]). Анализируются превентивные меры (см.: [Булюлина, Головина, Лысенко, 2021]), способы борьбы с распространением инфекционных заболеваний и значение медицинских служб в борьбе с болезнями (см.: [Белова, Лисовая, 2017 ; Шуляковская, Белова, Ахуньянова, 2020]). Рассматривается борьба советских медиков с конкретными заболеваниями, в первую очередь туберкулезом (см.: [Исторический опыт медицины ... , 2011, с. 186–187]) и малярией (см.: [Кустодов, Кравцов, Завьялов, 2018]). Выявляется специфика санитарной обстановки в городах и сельской местности (см.: [Мирзабеков, 2010 ; Ахмадиева, 2016 ; Черемных, Шевляков, 2017]). Уточняются вопросы, касающиеся детской заболеваемости в годы войны (см.: [Дунбинская, 2015 ; Крюкова, 2019 ; Левыкина, 2019]). Описывается ухудшение санитарной обстановки в пенитенциарных заведениях, что влекло за собой повышенную смертность (см.: [Семенов, 2018]). Конкретизируется значение просветительской работы с населением в военных условиях, которая способствовала соблюдению гражданами элементарных правил гигиены (см.: [Исторический опыт медицины ... , 2011, с. 172–174]).

В историографическом плане так или иначе вопросы медицинского обслуживания тыла затрагивались историками как на общесоюзном и общероссийском уровне, так и в рамках конкретных регионов. Не является исключением в данном случае и Владимирская область. Однако на примере этой территории исследователями в основном был рассмотрен кадровый вопрос в медицинских учреждениях региона и общая санитарно-эпидемиологическая обстановка (см.: [Тряхов, 2014]). С точки зрения историко-геополитического подхода борьба с инфекционными заболеваниями населения есть проблема национальной безопасности, влияющая на демографический, экономический и военный потенциал государства.

Цель статьи заключается в выявлении динамики инфекционных заболеваний на территории региона, а также способов борьбы с распространением инфекций в годы Великой Отечественной войны в границах современной Владимирской области.

Основная часть

Война обострила санитарную обстановку во всех регионах страны, и Владимирский край не исключение. Из-за транспортной близости к Москве и фронту железные дороги, пересекавшие регион, имели немаловажное значение в перевозках войск и эвакуированного населения. Следствием этого стало перемещение большого количества людей и недостаточный контроль контактов между ними и местным населением на железнодорожных станциях таких городов, как Владимир, Ковров, Вязники, Александров и Муром. Именно оттуда нередко начиналось распространение инфекции, на что обращали внимание местные власти уже осенью 1941 года (см.: [ГАВО. Ф. Р-4004. Оп. 1. Д. 7. Л. 41 ; Чучелин, 2000, с. 63 ; Великий Подвиг ... , 2005, с. 216]).

Анализ имеющихся источников позволяет говорить о росте заболеваемости различными инфекциями вскоре после начала Великой Отечественной войны с постепенным выходом на пик многих болезней к весне 1942 года. Это в полной мере отражалось на смертности населения, особенно детей, что фиксируется в регионе практически повсеместно. В 1941 году в Александрове родилось 989 человек, но умерло при этом 220 из них, то есть 22 %. В январе 1942 года из 74 родившихся умерло 13. Массовое заболевание корью, шедшее на десятки случаев в месяц, связывали с заражением через детские сады. Так, в детсаде № 5 при фабрике имени Калинина было зафиксировано 33 случая заболевания; в яслях этой фабрики умер один ребенок; в яслях фабрики «Искождеталь» умерло 6 детей [ГАВО. Ф. П-119. Оп. 3. Д. 95. Л. 50]. Детская заболеваемость в Александрове в 1942 году составила 9 604 случая, а в 1943 году выросла до 10 224. При этом, кроме кори и скарлатины, отмечалась массовая заболеваемость гриппом. По данным Александровского горкома, в 1941 году фиксировались заболевания, не выявлявшиеся в предшествующий год. К таковым относились малярия, сыпной тиф, паратиф и дизентерия. Незначительный рост наблюдался в отношении скарлатины и дифтерии. В то же время снизилось количество случаев заболевания брюшным тифом и корью. Снижение инфицирования корью весьма необычно, так как в 1940 году было зафиксировано 438 случаев, а в 1941 году — лишь 87 [Там же. Д. 119. Л. 17]. В 1943 году было отмечено лишь 13 случаев, но в 1944 году наблюдался резкий скачок: 277 случаев. По официальным данным, к смерти корь приводила редко. Высокая детская смертность отмечалась в 1942 году, когда было зафиксировано 111 смертей младенцев, что составило 21,9 % от количества родившихся; в 1943 году показатель снизился до 22 умерших и 7,3 % от родившихся соответственно. Кроме того, в 1942 году общая смертность превысила рождаемость: по данным отчета горкома, умерло 567 человек, а родилось 507 [Там же. Д. 145а. Л. 49 об.]. Именно на 1942 год пришелся не только максимум смертности, но и минимум рождаемости. Сокращение рождаемости особенно усилилось с мая 1942 года [Там же. Д. 189. Л. 124]. К 1944 году смертность в Александрове снизилась до 148 человек, из них 18 младенцев.

Большое количество инфекционных заболеваний отмечалось в 1942 году в Гусь-Хрустальном. Так, было зафиксировано 492 случая сыпного тифа, 21 — брюшного, 84 — дифтерии и 57 — скарлатины, а также 288 эпизодов кори. В 1943 году по всем заболеваниям отмечалось значительное снижение: сыпной тиф был диагностирован у 57 заболевших, брюшной тиф — у 8, дифтерия — у 18, скарлатиной переболели 3 человека, а корью — 1 [ГАВО. Ф. П-118. Оп. 1. Д. 178. Л. 89 об.]. В 1944 году в Гусь-Хрустальном вновь фиксировались вспышки заболевания сыпным тифом. Так, 3 случая имелось на фабрике «Красный Профинтерн» и 2 случая — на торфопредприятии. В ходе расследования выяснилось, что заболевание было завезено из района работницей фабрики. В целях профилактики на фабрике одежда 1 200 человек была обработана в дезкамере, а по городу проводилась противотифозная вакцинация [Там же. Д. 183. Л. 23]. Высокой в 1942 году была и смертность в городе: из 40 родившихся умирало 8 детей [Там же. Оп. 63. Д. 20. Л. 81].

По данным ковровского горкома, пик заболеваемости по большинству опасных заболеваний также пришелся на 1942 год (табл.).

Заболеваемость в Коврове в 1941–1944 годах ¹

Виды болезней	Годы			
	1941	1942	1943	1944 (за 6 месяцев)
	Количество случаев			
Грипп	966	1 176	860	276
Воспаление легких	958	945	895	294
Желудочно-кишечные заболевания	874	1 588	634	127
Корь	454	874	195	157
Скарлатина	82	69	88	24
Дифтерия	129	102	10	59

В то же время уточним, что количество случаев скарлатины в 1943 году возросло по сравнению с предыдущим годом. Между тем по дифтерии в 1942 и 1943 годах наблюдалось снижение относительно 1941 года, но затем, за первое полугодие 1944 года, опять отмечался рост заболеваемости. Сыпной тиф в 1942 году был диагностирован у 615 человек, в 1943 году — у 24 [ГАВО. Ф. П-116. Оп. 1. Д. 128. Л. 20 об.], в 1944 году — у 18 [Там же. Д. 137. Л. 2].

В 1945 году случаи заболеваемости продолжили снижаться. Вместе с сокращением количества заболеваний уменьшалась и детская смертность. В 1941 году умерло 19,9 % родившихся, а пик детской смертности пришелся на 1942 год и достиг 32,4 %. Наиболее высокая детская смертность фиксировалась по городу Коврову в детских садах и яслях фабрики имени Абельмана. В январе 1942 года в родильном отделении 1-й горбольницы умерло 11 детей из-за недостаточного наблюдения, а также низкой температуры в помещении: в некоторых яслях и садах температура в детских комнатах опускалась до 8 °С [ГАВО. Ф. П-116. Оп. 63. Д. 30. Л. 83]. На Ковровском экскаваторном заводе наиболее распространенными болезнями были грипп, малярия и фурункулы у работников [Там же. Ф. Р-3808. Оп. 1. Д. 7. Л. 5]. Последнее являлось следствием неблагоприятных условий труда (отсутствие мыла и антисанитарные условия в рабочих цехах и вспомогательных зданиях и помещениях).

Тяжелая обстановка первых месяцев 1942 года длительное время обсуждалась на заседаниях местного горкома с целью выявления виновных в сложившейся ситуации и поиска выхода из нее. В дальнейшем наблюдалась тенденция к снижению смертности: в 1943 году смертность составляла 20,4 %, в 1944-м — 10,8 % [ГАВО. Ф. П-116. Оп. 1. Д. 138. Л. 54 об.]; в 1945-м ситуация с детскими смертями улучшилась вслед за уменьшением заболеваемости и равнялась 7 % [Там же. Д. 162. Л. 23 об. — 24].

Для районов с обширными болотами основной проблемой была малярия, но данные по заболеваемости в большей степени сохранились только по Ковровскому району. В 1940 году фиксировалось 6 413 случаев заболевания малярией, к 1946 году отмечено лишь 826 (см.: [Кренделева, 2005, с. 154]). В 1945 году заболеваемость малярией снизилась по сравнению с предыдущим годом на 43,1 % [ГАВО. Ф. П-116. Оп. 1. Д. 162. Л. 24].

В Кольчугино в 1942 году смертность превышала рождаемость на 165 % и, по данным городской партийной конференции, в сравнении с 1941 годом выросла на 25 % [ГАВО. Ф. П-503. Оп. 78. Д. 12. Л. 58 об.].

В 1941 году в Вязниках произошла эпидемия кори: с 1 сентября по 1 декабря 1941 года было зафиксировано 424 случая, а вдобавок — 26 случаев заболевания дифтерией и 4 — брюшным тифом. Согласно предположениям местных властей, причина вспышки кори заключалась в том, что рабочие брали воду из непроверенных источников [ГАВО. Ф. П-791. Оп. 63. Д. 13. Л. 34]. В результате эпидемии умерло много детей. Высокий уровень заболеваемости объяснялся тем, что горздрав не смог изолировать первых заболевших, кроме того, в городе не хватало проти-

¹ Сост. по: [ГАВО. Ф. П-116. Оп. 1. Д. 138. Л. 54 об.].

вокорьевой сыворотки. На продолжительный процесс болезни и серьезные осложнения влияло отсутствие витаминов и недостаточное количество жиров [ГАВО. Ф. П-791. Оп. 63. Д. 12. Л. 78]. Более того, корь вскоре сменилась чесоткой, для лечения которой в городе не было ни мазей, ни мыла [Там же. Д. 20. Л. 6]. Так, в 1942 году в Вязниках родилось 500 детей, а умерло 300 человек. Ситуация ухудшилась в 1943 году, когда смертность вновь превысила рождаемость [Там же. Д. 26. Л. 12].

Непростой была статистика по заболеваемости во Владимире в первой половине 1942 года. Тенденция к снижению количества заболевших дизентерией и сыпным тифом обозначилась в городе только к концу 1942 года [ГАВО. Ф. Р-2400. Оп. 1. Д. 32. Л. 80–83]. В конъюнктурных отчетах госсанинспекции обращалось внимание, что преобладающий контингент заболевших дифтерией (до 85 %) — неорганизованная прослойка детей [Там же, л. 80–83]. Современница событий А. С. Исаева, служившая в годы войны медицинским работником во Владимире, вспоминала, что покинуть город можно было лишь по специальным справкам [Победители ... , 2010, с. 108].

В Муроме к 1943 году удалось справиться с сыпным тифом, количество случаев которого уменьшилось почти до нуля. Случаи брюшного тифа и дизентерии не встречались совсем. То же самое отмечалось и по кори: если в 1942 году имелось 58 заболевших, то в 1943 году заболевание не диагностировалось [ГАВО. Ф. П-495. Оп. 5. Д. 9. Л. 17]. Сокращение заболеваемости инфекциями детей происходило и в 1944 году. Заболеваемость скарлатиной по сравнению с 1940 годом уменьшилась в 4 раза, дифтерией — в 3 раза, дизентерией — в 2 раза. Стабилизировалась ситуация по кори. Детская смертность снизилась на 6,5 %. Помимо этого, на 43 % уменьшилось количество случаев заболевания малярией [Там же]. Но если в самом городе Муроме ситуация с заболеваемостью и смертностью считалась относительно благополучной, то в районе соседнего поселка Казанка детская смертность оставалась чрезвычайно высокой: поселок находился рядом с железнодорожным вокзалом, который служил перевалочным пунктом на железнодорожном направлении на Казань. На одном из заседаний горкома даже отмечалось, что борьба за сохранение жизни детей не ведется, как и не изучаются причины смертности (см.: [Владимирский край ... , 2020, с. 351–352]).

Ребенок войны Г. Г. Графская вспоминала, что из 6 детей в ее семье от болезней умерло двое (см.: [Дети войны ... , 2006, с. 39]). Похожие воспоминания о тяжелых болезнях (в конкретном случае речь шла о малярии) есть у Р. Б. Николаевой, однако она ограничилась общей фразой о большом количестве умерших детей (см.: [Там же, с. 43]).

По данным Ивановского обкома, осенью 1942 года инфицированные сыпным тифом наблюдались в 15 районах и городах области, но случаи были все же единичны. Не фиксировалось вспышек брюшного тифа, хотя из 54 районов региона только в 19 случаях заболевания совсем не отмечались; заражались в основном учащиеся школ. Наметилась тенденция к сокращению заболеваемости дизентерией [ГАИО. Ф. П-327. Оп. 7. Д. 494. Л. 128–128 об.].

Причинами возникновения и распространения инфекционных заболеваний, которые в предвоенные годы уже становились редкими или не фиксировались вовсе, в первую очередь являлись значительные перемещения населения в регион и из региона, что затрудняло возможность по контролю над потенциальными носителями инфекций. Ивановская и Владимирская области, которые до августа 1944 года были единой административной единицей, приняли 93 тыс. эвакуированных (см.: [Чучелин, 2000, с. 34]). Помимо массовых перемещений людей отмечались неудовлетворительные санитарные условия вокзалов и прочих мест скопления людей, что способствовало распространению заболеваний.

В Коврове проверяющие обращали внимание на «отвратительное санитарное состояние вокзала». В здании было грязно, сыро, отсутствовала кипяченая вода в питьевых бачках. Работники носили грязную спецодежду, которую редко меняли. В здании вокзала не оказалось умывальников и стола, которым могли бы воспользоваться женщины с грудными детьми. Помимо этого, зимой несвоевременно очищались места общественного пользования, из-за чего двор и перрон вокзала были превращены в отхожее место [ГАВО. Ф. П-116. Оп. 63. Д. 30. Л. 81]. В муромском горкоме констатировали, что отчеты, посылаемые в Казань, не отражали действительного эпидемического состояния железнодорожного узла [Там же. Ф. П-495. Оп. 5. Д. 147. Л. 35]. На местный вокзал пассажиры проходили без обработки. Часть из них обычно расселялась в близлежащем поселке, а население было плохо информировано об опасности распространения инфекционных заболеваний. Жители нередко впускали к себе проезжавших граждан,

после чего заболели, но в справках источник указывался как неустановленный [ГАВО. Ф. П-495. Оп. 5. Д. 147. Л. 36]. Отмечался неполный учет инфекционных больных. Источники заражения практически не выявлялись, а начальник местной железнодорожной станции Козлов даже приблизительно не мог назвать число инфекционных больных за последнее время. В адрес местного эпидемиолога звучала критика за непосещение больных. На станционном эвакуационном пункте больные корью не всегда получали надлежащую медицинскую помощь и не изолировались от здоровых [Великий Подвиг ... , 2005, с. 216]. В протоколе заседания Муромского городского комитета обороны указывалось: «Приезжающие в город лица предварительную санобработку не проходят и, несмотря на запрещение городского комитета обороны, расселяются по квартирам, благодаря чему имеются случаи заноса сыпного тифа» [ГАВО. Ф. П-335. Оп. 1. Д. 5. Л. 4]. Для борьбы с этими негативными явлениями предписывалось соблюдать жесткий санитарный контроль [Там же, л. 16, 18].

Муромский горком еще в конце 1941 года говорил о слабом внимании к противоэпидемическим мероприятиям по борьбе с сыпным тифом. Отмечалось, что фонды мыла за декабрь были не отоварены. Перебои с поставками начались уже в конце лета 1941-го и в последующие годы были постоянными. Нередкими были случаи, когда мыло не предоставлялось гражданам в течение двух и более месяцев, а отпущенное количество было мизерным и быстро заканчивалось [ГАВО. Ф. Р-2400. Оп. 1. Д. 32. Л. 144]. Отсутствие мыла в необходимом количестве приводило к распространению его заменителей в виде золы, но такой способ гигиены вряд ли являлся достаточно эффективным [Там же, л. 43 об.]. Положение усугублялось тем, что массово-разъяснительная работа среди населения о предупреждении заболеваемости сыпным тифом проводилась неэффективно [Там же. Ф. П-335. Оп. 1. Д. 5. Л. 4].

В плохом санитарном состоянии пребывали не только места значительного скопления людей, но и те заведения, которые должны были, напротив, являться образцом чистоты. В Гусь-Хрустальном в терапевтическом отделении местной городской больницы были невымытые полы и грязные стены, на которых висела паутина. Санитарную обработку поступающих больных проводили без мыла, кроме того, их не стригли. В одной из палат проверяющий партийный инструктор обнаружил больную с открытой формой туберкулеза, хотя в тубдиспансере города имелось специальное отделение. По сравнению с вышесказанным, отсутствие тапок и белья для больных — незначительный недостаток [ГАВО. Ф. П-118. Оп. 1. Д. 129. Л. 58]. Кроме того, из-за большого количества госпиталей, действовавших в Гусь-Хрустальном в годы войны, в конце 1941 года временно упразднился туберкулезный санаторий, который было решено воссоздать лишь в апреле 1945-го [Там же. Д. 244. Л. 1].

Несмотря на сложную ситуацию с инфекционными заболеваниями, бюрократическая неразбериха никуда не исчезла. Так, на одном из расширенных заседаний пленума ковровского горкома руководитель завода имени Киркиж В. И. Фомин критиковал местный горисполком за разрешение городской поликлинике закрыть ясли, а также за перекалывание вопросов здравоохранения на завод. Он отмечал: «При случае заболевания сыпным тифом некуда быстро изолировать больного, это мне пришлось убедиться на примере с женой Пискунова, которую поместили в больницу, [только] тогда, когда вмешался сам председатель горисполкома. Завод идет на уступки, дал помещение для организации здравпункта на поселке, и это помещение никто не занимает в течение 5–6 дней» [ГАВО. Ф. П-116. Оп. 63. Д. 28. Л. 9].

Согласно отчетам Владимирского областного отдела здравоохранения, причинами, обуславливающими значительное количество случаев тифа в регионе, являлись несовершенство диагностики, в отдельных случаях поздняя госпитализация, невыполнение должного санитарного эпидемического режима на транспорте при усиливающейся миграции населения. Также высокая инфекционная заболеваемость была следствием неудовлетворительной работы бань, санитарных пропускников и дезинфекционных камер [ГАВО. Ф. Р-3802. Оп. 3. Д. 6. Л. 52]. Начальник противоэпидемического управления Владимирского областного отдела здравоохранения отмечала, что госпитализация сыпнотифозных больных в первые три дня заболевания составляла лишь 33 %. В частности, вспышка тифа в Собинском районе в начале 1945 года объяснялась именно несвоевременностью выявления первых больных и поздним проведением противоэпидемических мероприятий, а не неудовлетворительной работой бань [Там же, л. 67].

За годы войны увеличились расходы государства на борьбу с эпидемиями относительно общих расходов на здравоохранение страны: в 1940 году они составляли 32 % от бюджета здравоохранения, в 1942-м достигли 51 %, в 1943-м выросли до 57,6 %, а затем постепенно снижались до 43,7 % в 1944-м и 38,8 % в 1945-м (см.: [Чучелин, 2000, с. 73]).

Для борьбы с инфекционными заболеваниями приказом Наркомздрава СССР от 12 ноября 1941 года предписывалось в месячный срок приспособить все неинфекционные больницы для возможной госпитализации больных сыпным и брюшным тифом. Для реализации этого требовалось организовывать санитарные пропускники, ремонтировать дезинфекционные камеры, а также повышать квалификацию медицинского персонала по инфекционным болезням. По противоэпидемическим мероприятиям в общих больницах также была разработана и утверждена инструкция (см.: [Здравоохранение ... , 1977, с. 57]). Приказы Наркомздрава о мерах по предупреждению вспышек эпидемических заболеваний издавались и в начале 1942 года (см.: [Там же, с. 88–89 ; Чучелин, 2000, с. 72]), впрочем, именно в этот период, как указывалось выше, во Владимирском регионе отмечалось увеличение смертности, особенно детской.

Для профилактики и предотвращения распространения сыпного тифа директивой ЦК ВКП(б) от 11 декабря 1941 года запрещалось размещать военнослужащих в частных домах и предписывалось отводить для них изолированные помещения: школы, клубы и т. п. [ГАВО. Ф. П-116. Оп. 1. Д. 39. Л. 10]. В годы войны места проживания граждан обследовались санитарными инспекторами. В Коврове в 1942 году, согласно данным, озвученным на III городской партийной конференции, было осмотрено 16 563 квартиры и 13 138 комнат в общежитиях на предмет выявления случаев инфекционных заболеваний. Также было сделано 14 668 прививок против брюшного тифа, 1 292 против дифтерии, 5 282 против оспы и 1 447 против дизентерии [Там же. Д. 71. Л. 23]. В 1942 году во Владимире от брюшного тифа было сделано уже 15 тыс. прививок [Там же. Ф. П-100. Оп. 56. Д. 50. Л. 96]. Это был еще один способ борьбы с инфекционными заболеваниями.

Массовая вакцинация стала возможной в том числе благодаря тому, что в течение 1942–1943 годов в стране удалось наладить массовое производство сыпнотифозной вакцины в институтах эпидемиологии и микробиологии для проведения профилактических прививок в Красной армии и среди гражданского населения (см.: [Здравоохранение ... , 1977, с. 130–131]). В то же время вакцинация не всегда и не везде проходила должным образом. По мнению вязниковского бюро горкома, руководство горздравотдела не приняло должных мер по профилактическим прививкам. Так, по оспе было сделано 917 вакцинаций вместо 3 тыс., по дифтерии — 530 вместо 2 тыс., по дизентерии — 5 тыс. вместо 8 тыс. Отмечалось, что чаще инфекциями заражались дети из числа так называемого неорганизованного населения, причем имелись случаи, когда детям отказывали в госпитализации, что объяснялось перегрузкой лечебных учреждений из-за поступления больных из других районов области. Инфекции распространялись в столовых, а также детских учреждениях [ГАВО. Ф. П-791. Оп. 63. Д. 11. Л. 56], где для предотвращения роста заболеваемости регулярно проводились карантинные (см.: [Владимирский край ... , 2020, с. 150]).

16 декабря 1941 года начальник Владимирского гарнизона полковник И. И. Санковский, батальонный комиссар В. В. Суханов, военврач 2-го ранга Малинина писали председателю городского комитета обороны Владимира М. Р. Осипову, что «рассадником вшивости» в городе являются бани, из-за которых после помывки завшивели воинские части. Очаги вшивости имелись и среди гражданского населения. В то же время, по мнению авторов письма, горздрав не принял меры по профилактике вшивости и сыпного тифа. Для борьбы было предложено отдать одну баню военным, отремонтировать дезинфекционные камеры, открыть специальную парикмахерскую в городе отдельно для военнослужащих, а горздраву организовать борьбу с вшивостью и сыпным тифом (см.: [Владимирский край ... , 2020, с. 141]).

Областная санэпидстанция настойчиво требовала от предприятий проверять рабочих и дезинфицировать их одежду после отлучек в родные деревни [ГАВО. Ф. Р-3802. Оп. 3. Д. 69. Л. 71–72]. Особенно актуальной данная проблема была для Коврова, так как значительное количество находившихся в городе заводов потребовало за годы войны мобилизовать большое количество молодежи из соседних деревень. Помимо этого, в Коврове трудились более 1 300 выходцев из Молотовской области и более 250 уроженцев Таджикской ССР, которые хоть и проживали

в самом городе, но размещались в чрезвычайно трудных условиях [ГАВО. Ф. П-116. Оп. 1. Д. 109. Л. 64 ; Д. 129. Л. 28–31]. Одна из главных особенностей общежитий заключалась в высокой скученности людей и отсутствии бытовых удобств [Там же. Д. 76. Л. 109].

Заключение

Анализ документов военной поры позволяет констатировать ухудшение обстановки с инфекционными заболеваниями во Владимирском регионе уже к осени 1941 года с выходом на пик к весне 1942 года. Наиболее высокие показатели по таким опасным болезням, как сыпной и брюшной тиф, дизентерия, корь, скарлатина в иных тыловых регионах фиксировались примерно в аналогичное время. Вероятно, это была типичная тенденция для всей страны. Похожими были и причины роста заболеваемости, вызванные масштабными перемещениями населения, которые дополнялись слабым эпидемическим контролем со стороны местных властей и медицинских служб (см.: [Цыретаров, 2014]).

В последующие годы войны ситуация улучшилась, но отдельные проявления опасных для жизни и весьма заразных инфекций продолжали фиксироваться. Причины же этого лежали в другой плоскости. В течение военных лет условия жизни и труда рабочих и служащих, а особенно мобилизованных работников, были сложными. Жилищные условия многих рабочих не соответствовали санитарным нормам, на что регулярно обращали внимание проверяющие во время визитов в рабочие общежития и бараки, а также партийные инструкторы. Немаловажным фактором являлось скудное и однообразное питание, что способствовало ослаблению состояния здоровья населения (см.: [Цыретаров, 2014, с. 84]).

Государственные и местные власти предпринимали шаги, направленные на борьбу с распространением инфекционных заболеваний, и можно сказать, что, по крайней мере в рамках рассматриваемого региона, удалось сделать многое. Ситуация с массовой смертностью гражданского населения (особенно детей до года), имевшая место в 1942-м, в 1943–1945 годах более не повторялась. В то же время материалы Владимирского региона вновь подтверждают колоссальное влияние болезней на сокращение населения страны в годы Великой Отечественной войны, и виновником здесь в первую очередь являлся агрессор — гитлеровская Германия и ее сателлиты.

Список источников

1. Алексаян И. В. Главные хирурги фронтов и флотов в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. — М. : Медицина, 1985. — 240 с.
2. Алексаян И. В. Главные терапевты фронтов и флотов в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. — М. : Медицина, 1987. — 253 с.
3. Ахмадиева Н. В. Здоровье сельского населения Башкирии в годы Великой Отечественной войны // Великая Отечественная война — героическая и трагическая страницы в истории советского народа. — Оренбург : Изд-во ОрГМУ, 2016. — С. 33–38.
4. Белова Л. И., Лисовая М. А. Опыт советских медиков по борьбе с эпидемиями в годы Великой Отечественной войны // Материалы IV межрегион. науч.-практ. конф. — Волгоград : Изд-во ВолгГМУ, 2017. — С. 175–188.
5. Булюлина Е. В., Головина Е. Л., Лысенко И. А. Санитарно-эпидемическое состояние Сталинградской области и работа органов здравоохранения в 1941–1945 годах // Крестьяноведение. — 2021. — Т. 6, № 2. — С. 62–78.
6. Великий Подвиг. Даты. События. Документы. Воспоминания / ред.-сост. В. М. Чиров ; авт. проекта В. З. Шувал. — Владимир, 2005. — 267 с.
7. Владимирский край в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 : сб. архивных док. к 75-летию Великой Победы / отв. ред. Н. Д. Максимова ; сост. : Т. А. Лашманова [и др.]. — Владимир : [б. и.], 2020. — 504 с.
8. Государственный архив Владимирской области (ГАВО). — Ф. Р-2400. — Оп. 1. — Д. 32, 3802 ; Оп. 3. — Д. 6 ; Ф. Р-3808. — Оп. 1. — Д. 7 ; Ф. Р-4004. — Оп. 1. — Д. 7. — Л. 41 ; Ф. П-100. — Оп. 56. — Д. 50 ; Ф. П-116. — Оп. 1. — Д. 39, 109, 128, 129, 137, 138 ; Оп. 63. — Д. 28, 30, 162 ; Ф. П-118. — Оп. 1. — Д. 129, 178, 183, 244 ; Оп. 63. — Д. 20 ; Ф. П-119. — Оп. 3. — Д. 95, 145а, 189 ; Ф. П-335. — Оп. 1. — Д. 5 ; Ф. П-495. — Оп. 5. — Д. 9, 139, 147 ; Ф. П-503. — Оп. 78. — Д. 12 ; Ф. П-791. — Оп. 63. — Д. 11, 12, 13, 20 ; Д. 26. — Л. 12.
9. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). — Ф. П-327. — Оп. 7. — Д. 494.

10. Дети войны — патриоты Отечества / [сост. Г. Г. Графская]. — Владимир, 2006. — 48 с.
11. Дунбинская Т. И. Проблема детской заболеваемости в Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // Актуальные вопросы и перспективы развития общественных наук : сб. науч. тр. по итогам междунар. науч.-практ. конф. — Омск : ИЦРОН, 2015. — С. 10–15.
12. Здравоохранение в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945 : сб. док. и материалов. — М. : Медицина, 1977. — 576 с.
13. Исторический опыт медицины в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : материалы VI всерос. конф. с междунар. участием / под ред. К. А. Пашкова. — М. : МГМСУ, 2011. — С. 172–174, 186–187, 201–203.
14. Кнопов М. Ш., Тарануха В. К. Страницы истории отечественной военной эпидемиологии (к 70-летию Победы в Великой Отечественной войне) // Эпидемиология и инфекционные болезни. — 2015. — Т. 20, № 2. — С. 60–64.
15. Копылов Ф. В. Санитарные проблемы прифронтовых городов Вологодской области и их влияние на здоровье эвакуируемого населения в период Великой Отечественной войны // Военная история России: люди и события. — СПб. : ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2015. — С. 137–141.
16. Кренделева М. Н. Обзор документов периода Великой Отечественной войны архивного отдела администрации г. Коврова // Рождественский сборник. — 2005. — Вып. XII. — С. 184–196.
17. Крюкова Г. М. Борьба с детской заболеваемостью в годы Великой Отечественной войны (на материалах Башкирской АССР) // Исторический журнал: научные исследования. — 2019. — № 5. — С. 48–55.
18. Кузьмин М. К. Медики-герои Советского Союза. — М. : Медицина, 1970. — 223 с.
19. Кузьмин М. К. Советская медицина в годы Великой Отечественной войны (очерки). — М. : Медицина, 1979. — 240 с.
20. Куркатов С. В., Филатова С. А., Тевеленок О. Г. 70 лет победы: роль санитарно-эпидемиологической службы Красноярского края в период Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вопросы управления и социальной гигиены. — 2015. — № 5 (266). — С. 18–20.
21. Кустодов С. В., Кравцов О. А., Завьялов А. И. Заболеваемость малярией в Саратовской области в период Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы // История медицины в собраниях архивов, библиотек и музеев : материалы V межрегион. науч.-практ. конф. — Волгоград : ВолгГМУ, 2018. — С. 35–39.
22. Левыкина А. Д. Проблема детской заболеваемости в годы Великой Отечественной войны // Медицина в годы Великой Отечественной войны : материалы науч.-теорет. конф. (с междунар. участием). — Курск : КГМУ, 2019. — С. 27–35.
23. Маньшев С. Б. Миграционные процессы и их влияние на эпидемиологическую обстановку в Дагестане в годы Великой Отечественной войны // Исторический опыт медицины в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. : материалы IX всерос. конференции (с междунар. участием). — М., 2013. — С. 130–132.
24. Медицина в солдатской шинели / А. Е. Романенко [и др.] ; ред. : А. Е. Романенко, А. А. Грандо, Ю. Н. Щербак. — Киев : Здоровья, 1989. — 317 с.
25. Мирзабеков М. Я. Здравоохранение в дагестанском городе в годы Великой Отечественной войны (1941–1945) // 65-летие Победы в Великой Отечественной войне: дагестанцы на фронте и в тылу : материалы респ. науч. конф. / отв. ред. Г. Ш. Каймаразов. — Махачкала, 2010. — С. 177–182.
26. Мотревич В. П. Историческая демография России. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2008. — 168 с.
27. Опыт Советской медицины в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. : в 35 т. — М. : Медгиз, 1950–1955. — Т. 32 : Эпидемиологическое состояние войск Советской армии в период Великой Отечественной войны. — 1955. — 475 с.
28. Победители: воспоминания участников Великой Отечественной войны и тружеников тыла / сост. В. И. Титова [и др.]. — Владимир : Транзит-ИКС, 2010. — 344 с.
29. Семенов М. А. Статистические данные региональных архивов о движении заболеваемости населения Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Демографическая история России и регионов : сб. науч. тр. — Новосибирск, 2016. — Вып. 1 : Проблемы источников. — С. 160–170.
30. Семенов М. А. Заболеваемость и смертность в тюрьмах СССР в годы Великой Отечественной войны // Исторический курьер. — 2018. — № 2. — С. 2–18.
31. Твердюкова Е. Д. Ленинградский городской отдел здравоохранения и Военно-санитарное управление Ленинградского фронта: проблемы взаимодействия в 1941–1942 годах // Новейшая история России. — 2020. — № 4. — С. 864–874.
32. Тряхов И. С. Санитарно-эпидемиологическая обстановка во Владимирской области в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. «История России». — 2014. — № 3. — С. 70–80.

33. Цыретаров Б. Б. Санитарно-эпидемическая обстановка и борьба с эпидемиями в Бурятии в годы Великой Отечественной войны // Вестник РГГУ. Сер. «История. Филология. Культурология. Востоковедение». — 2014. — № 19. — С. 78–87.
34. Черемных О. А., Шевляков А. С. Санитарные мероприятия и благоустройство в городах Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны // Вестник Томского государственного университета. — 2017. — № 417. — С. 182–190.
35. Чучелин Г. А. Во имя спасения отчизны (1941–1945). — Владимир : Золотые ворота, 2000. — 143 с.
36. Шуляковская А. С., Белова Ю. К., Ахуньянова А. Б. Ликвидация инфекционных очагов на территории СССР во время Великой Отечественной войны // Вестник совета молодых ученых и специалистов Челябинской области. — 2020. — Т. 2, № 2 (29). — С. 72–76.
37. Эмирханов И. А. Санитарно-эпидемиологическая обстановка в Дагестане в годы Великой Отечественной войны (1941–1945 гг.) // ЛОКУС: люди, общества, культуры, смыслы. — 2018. — № 3. — С. 24–34.

References

1. Aleksanyan I. V. *Glavnyye khirurgi frontov i flotov v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.* [Chief surgeons of the Fronts and Navies in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow, Meditsina Publ., 1985, 240 p. (In Russian).
2. Aleksanyan I. V. *Glavnyye terapevty frontov i flotov v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.* [Chief therapists of the fronts and fleets in the Great Patriotic War of 1941–1945]. Moscow, Meditsina Publ., 1987, 253 p. (In Russian).
3. Akhmadieva N. V. The health of the rural population of Bashkiria during the Great Patriotic War. *Velikaya Otechestvennaya vojna — geroicheskaya i tragicheskaya stranitsy v istorii sovetskogo naroda* [The Great Patriotic War as a heroic and tragic page in the history of the Soviet people]. Orenburg, OrSMU Publ., 2016, pp. 33–38. (In Russian).
4. Belova L. I., Lisovaya M. A. Experience of Soviet doctors in combating epidemics during the Great Patriotic War. *Materialy IV mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Materials of the IV Interregional scientific-practical conference]. Volgograd, VolgSMU Publ., 2017, pp. 175–188. (In Russian).
5. Bulyulina E. V., Golovina E. L., Lysenko I. A. Sanitary and epidemiological state of the Stalingrad region and the work of health authorities in 1941–1945. *Krestyanovedeniye* [Peasant Studies]. 2021, vol. 6, iss. 2, pp. 62–78. (In Russian).
6. *Velikiy Podvig. Daty. Sobytiya. Dokumenty. Vospominaniya* [Great Deeds. Dates. Events. Documentation. Memoirs]. Ed. and comp. by V. M. Chirov; designed by V. Z. Shuval. Vladimir, 2005, 267 p. (In Russian).
7. *Vladimirskiy kray v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941–1945: sb. arkhivnykh dok. k 75-letiyu Velikoy Pobedy* [Vladimir region during the Great Patriotic War. 1941–1945: Collection of archival documents for the 75th anniversary of the Great Victory]. Ed. by N. D. Maksimova; comp. by T. A. Lashmanova and others. Vladimir, 2020, 504 p. (In Russian).
8. *Gosudarstvennyy arkhiv Vladimirskoy oblasti (GAVO)* [State Archives of the Vladimir Region (GAVO)]. F. R-2400. Op. 1. D. 32, 3802; Op. 3. D. 6; F. R-3808. Op. 1. D. 7; F. R-4004. Op. 1. D. 7. L. 41; F. P-100. Op. 56. D. 50; F. P-116. Op. 1. D. 39, 109, 128, 129, 137, 138; Op. 63. D. 28, 30, 162; F. P-118. Op. 1. D. 129, 178, 183, 244; Op. 63. D. 20; F. P-119. Op. 3. D. 95, 145a, 189; F. P-335. Op. 1. D. 5; F. P-495. Op. 5. D. 9, 139, 147; F. P-503. Op. 78. D. 12; F. P-791. Op. 63. D. 11, 12, 13, 20; D. 26. L. 12. (In Russian).
9. *Gosudarstvennyy arkhiv Ivanovskoy oblasti (GAIO)* [State Archive of the Ivanovo Region (GAIO)]. F. P-327. Op. 7. D. 494. (In Russian).
10. *Deti voyny — patrioty Otechestva* [Children of war — patriots of the Fatherland]. Comp. by G. G. Grafskaya. Vladimir, 2006, 48 p. (In Russian).
11. Dunbinskaya T. I. The problem of children's morbidity in Western Siberia during the Great Patriotic War (1941–1945). *Aktualnyye voprosy i perspektivy razvitiya obshchestvennykh nauk: sb. nauch. tr. po itogam mezhdunar. nauch.-prakt. konf.* [Current issues and prospects for development of social science: collection of scientific works based on the results of the international scientific-practical conference]. Omsk, ICRON Publ., 2015, pp. 10–15. (In Russian).
12. *Zdravookhraneniye v gody Velikoy Otechestvennoy voyny. 1941–1945: sb. dok. i materialov* [Health care during the Great Patriotic War. 1941–1945: Collection of documents and materials]. Moscow, Meditsina Publ., 1977, 576 p. (In Russian).
13. Historical experience of medicine during the Great Patriotic War of 1941–1945. *Materialy VI vseros. konf. s mezhdunar. uchastiyem* [Materials of VI All-Russian conference with international participation]. Ed. by K. A. Pashkova. Moscow, MGMSU Publ., 2011, pp. 172–174, 186–187, 201–203. (In Russian).

14. Knopov M. Sh., Taranukha V. K. Episodes from history of Russian military epidemiology (on the 70th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War). *Epidemiologiya i infektsionnyye bolezni* [Epidemiology and infectious diseases]. 2015, vol. 20, iss. 2, pp. 60–64. (In Russian).
15. Kopylov F. V. Sanitary problems of front-line cities of the Vologda Region and their impact on the health of the evacuated population during the Great Patriotic War. *Voyennaya istoriya Rossii: lyudi i sobytiya* [Military history of Russia: people and events]. St. Petersburg, A. S. Pushkin Leningrad State University, 2015, pp. 137–141. (In Russian).
16. Krendeleva M. N. Review of the documents of the Great Patriotic War period of the Archival Department of the Kovrov Administration. *Rozhdestvenskiy sbornik* [Christmas Collection]. 2005, vol. XII, pp. 184–196. (In Russian).
17. Kryukova G. M. Combating child morbidity in the years of the Great Patriotic War (on the materials of the Bashkir ASSR). *Istoricheskiy zhurnal: nauchnyye issledovaniya* [Historical Journal: Scientific Research]. 2019, iss. 5, pp. 48–55. (In Russian).
18. Kuzmin M. K. *Mediki-geroi Sovetskogo Soyuz*a [Doctors — Heroes of the Soviet Union]. Moscow, Meditsina Publ., 1970, 223 p. (In Russian).
19. Kuzmin M. K. *Sovetskaya meditsina v gody Velikoy Otechestvennoy voyny (ocherki)* [Soviet medicine during the Great Patriotic War (essays)]. Moscow, Meditsina Publ., 1979, 240 p. (In Russian).
20. Kurkatov S. V., Filatova S. A., Tevelenok O. G. 70 years of victory: the role of sanitary and epidemiological services of Krasnoyarsk Territory during the Great Patriotic War (1941–1945). *Voprosy upravleniya i sotsialnoy gigiyeny* [Issues of management and social hygiene]. 2015, iss. 5 (266), pp. 18–20. (In Russian).
21. Kustodov S. V., Kravtsov O. A., Zavyalov A. I. Incidence of malaria in the Saratov Region during the Great Patriotic War and in the early post-war years. *Istoriya meditsiny v sobraniyakh arkhivov, bibliotek i muzeev: materialy V mezhrregion. nauch.-prakt. konf.* [History of medicine in collections of archives, libraries and museums: materials of the V interregional scientific-practical conference]. Volgograd, VolgSMU Publ., 2018, pp. 35–39. (In Russian).
22. Levykina A. D. Issues of childhood morbidity during the Great Patriotic War. *Meditsina v gody Velikoy Otechestvennoy voyny: materialy nauch.-teoret. konf. (s mezhdunar. uchastiyem)* [Medicine during the Great Patriotic War: materials of scientific-theoretical conference (with international participation)]. Kursk, KSMU Publ., 2019, pp. 27–35. (In Russian).
23. Manyshev S. B. Migration processes and their influence on the epidemiological situation in Dagestan during the Great Patriotic War. *Istoricheskiy opyt meditsiny v gody Velikoy Otechestvennoy voyny 1941–1945 gg.: materialy IX vseros. konferentsii (s mezhdunar. uchastiyem)* [Historical experience of medicine during the Great Patriotic War of 1941–1945: materials of the IX All-Russia conferences (with international participation)]. Moscow, 2013, pp. 130–132. (In Russian).
24. *Meditsina v soldatskoy shineli* [Medicine in an army overcoat]. A. E. Romanenko [et al.]; ed. by A. E. Romanenko, A. A. Grandy, Yu. N. Shcherbak. Kiev, Zdorovya Publ., 1989, 317 p. (In Russian).
25. Mirzabekov M. Ya. Health care in a Dagestan city during the Great Patriotic War (1941–1945). *65-letiyе Pobedy v Velikoy Otechestvennoy voyne: dagestantsy na fronte i v tylu: materialy resp. nauch. konf.* [65th anniversary of the Victory in the Great Patriotic War: Dagestanis at the front and in the rear: materials of the rep. scientific conf.]. Ed. by G. Sh. Kaymarazov. Makhachkala, 2010, pp. 177–182. (In Russian).
26. Motrevich V. P. *Istoricheskaya demografiya Rossii* [Historical demography of Russia]. Yekaterinburg, Ural University Publ., 2008, 168 p. (In Russian).
27. *Opyt Sovetskoy meditsiny v Velikoy Otechestvennoy voyne 1941–1945 gg.: v 35 t.* [Experience of Soviet medicine in the Great Patriotic War of 1941–1945: in 35 vols.]. Moscow, Medgiz Publ., 1950–1955, vol. 32: Epidemiological state of the Soviet army troops during the Great Patriotic War, 1955, 475 p. (In Russian).
28. *Pobediteli: vospominaniya uchastnikov Velikoy Otechestvennoy voyny i truzhenikov tyla* [The Victors: memories of participants in the Great Patriotic War and home-front workers]. Comp. by V. I. Titov [et al.]. Vladimir, Transit-IKS Publ., 2010, 344 p. (In Russian).
29. Semenov M. A. Statistical data from regional archives on the movement of morbidity among the population of Western Siberia during the Great Patriotic War. *Demograficheskaya istoriya Rossii i regionov: sb. nauch. tr.* [Demographic history of Russia and regions: collection of research works]. Novosibirsk, 2016, iss. 1: Source issues, pp. 160–170. (In Russian).
30. Semenov M. A. Morbidity and mortality in Soviet prisons during the Great Patriotic War. *Istoricheskiy kuryer* [Historical Courier]. 2018, iss. 2, pp. 2–18. (In Russian).
31. Tverdyukova E. D. Leningrad City Health Department and the Military Sanitary Department of the Leningrad Front: problems of interaction in 1941–1942. *Noveyshaya istoriya Rossii* [Contemporary History of Russia]. 2020, iss. 4, pp. 864–874. (In Russian).

32. Tryakhov I. S. Sanitary and epidemiological situation in Vladimir Region during the Great Patriotic War (1941–1945). *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Ser. "Istoriya Rossii"* [Bulletin of the Russian Peoples' Friendship University. Ser. "Russian history"]. 2014, iss. 3, pp. 70–80. (In Russian).

33. Tsyretarov B. B. Sanitary and epidemic situation and the fight against epidemics in Buryatia during the Great Patriotic War. *Vestnik RGGU. Ser. "Istoriya. Filologiya. Kulturologiya. Vostokovedeniye"* [Bulletin of the Russian State University for the Humanities. Ser. "History. Philology. Culturology. Oriental Studies"]. 2014, iss. 19, pp. 78–87. (In Russian).

34. Cheremnykh O. A., Shevlyakov A. S. Sanitary measures and improvement in the cities of Western Siberia during the Great Patriotic War. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Tomsk State University]. 2017, iss. 417, pp. 182–190. (In Russian).

35. Chuchelin G. A. *Vo imya spaseniya otchizny (1941–1945)* [To save the Fatherland (1941–1945)]. Vladimir, Zolotyye vorota Publ., 2000, 143 p. (In Russian).

36. Shulyakovskaya A. S., Belova Yu. K., Akhunyanova A. B. Elimination of infectious foci on the territory of the USSR during the Great Patriotic War. *Vestnik soveta molodykh uchenykh i spetsialistov Chelyabinskoy oblasti* [Bulletin of the Council of Young Scientists and Specialists of Chelyabinsk Region]. 2020, vol. 2, iss. 2 (29), pp. 72–76. (In Russian).

37. Emirkhanov I. A. Sanitary and epidemiological situation in Dagestan during the Great Patriotic War (1941–1945). *LOKUS: lyudi, obshchestva, kultury, smysly* [LOCUS: people, societies, cultures, meanings]. 2018, iss. 3, pp. 24–34. (In Russian).

Информация об авторе

Тряхов Илья Сергеевич — кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России Владимирского государственного университета имени А. Г. и Н. Г. Столетовых.

Сфера научных интересов: советский тыл, Великая Отечественная война, оккупационная политика нацистской Германии, история повседневности.

Information about the author

Tryakhov Ilya Sergeevich — candidate of history, associate professor in the Department of Russian History at Vladimir State University named for A. G. and N. G. Stoletovs.

Research interests: Soviet rearward areas, World War II, Nazi occupation policy, history of everyday life.

Статья поступила в редакцию 29.07.2023; принята к публикации 05.02.2024.

The article was submitted 29.07.2023; accepted for publication 05.02.2024.